

В год 50-летнего юбилея Виктора Цоя Андрей Орм вглядывается заново в давно известные и не очень тексты его песен, чтобы понять причины их не иссякающей современности и популярности. В своих поисках он обнаруживает у множества из них духовный, философский, вне-мирный пласт – «Песнь песней». В публикуемых в этом номере первых трёх главах вы сможете пройти от бунта поэта против дольного мира к описываемому в текстах песен благому миру и к образу иномирной спутницы и хранительницы Цоя, его «Прекрасной Дамы».

* * *

Прошло уже более двух десятков лет с момента трагедии в Латвии, а имя Цоя и его песни по-прежнему живы и популярны. Сменилась политическая система и уклад жизни, но прежнее, цоевское, поколение, равно как и современное, продолжают любить его песни. В чём же причина этого? Быть может, в том, что в своих песнях Виктор Цой предпочитал говорить не о сиюминутном, преходящем, а о том, что вечно – о смысле жизни, о любви, о добре и зле, о мире, в котором мы находимся, и о душе, которая внутри нас.

Продолжая традицию Владимира Высоцкого, Виктор предстаёт перед нами даже скорее не как поэт, а как философ. Философ, облакающий свои мысли в поэтическую, песенную форму. При этом в отличие от Высоцкого, поэзия Цоя обращена не столько к внешней стороне бытия (обществу, социальному поведению людей), сколько к стороне внутренней, сокрытой – бытию духа, души.

Но Цой не только философ – он не просто поднимает вечные философские вопросы, а призывает к их активному решению – к изменению себя, мира, их преобразению, восстановлению. Этим Виктор близок к пророкам древности, только он не проповедник «единственно верной» религии: в его песнях можно услышать отзвуки христианских, зороастрийских и буддийских идей.

Словно первобытный Адам, человек из мира, пребывающего в изначальной целостности, Цой пытается донести до всех ту универсальную Истину, что была «до», сквозит «за» и останется «после», когда все религии умрут, и мир погибнет. Неслучайно наряду с надконфессиональностью его творчество отличает наднациональность – в мире изначальном, или в мире истинном, нет и этого деления – каждый из нас рождается человеком и человеком же, индивидуальной личностью, предстаёт перед Богом.

Конечно, в песнях Цоя присутствовала не только «Песнь песней» – духовный, философский, вне-мирный пласт его стихотворений – за многими из текстов могут быть прочитаны и другие, сугубо здешние измерения. Но талантливый человек талантлив как раз потому, что может соединить, сплавить казалось бы несоединимое, чтобы каждый нашёл что-то своё. Виктору это удалось сполна, и, вложив в свои песни душу, он смог найти отклик у миллионов. Надеюсь, моя попытка прочтения текстов Цоя позволит вам увидеть метафизическое измерение его творчества и лучше почувствовать значение поэта для русской культуры.

Даниил Андреев в книге «Роза Мира» использует термин «вестник»: «Вестник – это тот, кто ... даёт людям почувствовать сквозь образы искусства в широком смысле этого слова высшую правду и свет, льющиеся из миров иных. Пророчество и вестничество – понятия близкие, но не совпадающие. Вестник действует только через искусство» (Книга 10, глава 1)¹. Мне кажется, термин «вестник» вполне применим к Виктору Цою.

Попытаемся же понять, что хотел сказать Цой своей «Песнью песней».

Бунт против этого мира, неприятие его законов

Как и многие молодые люди, Виктор начинал с бунта против этого мира. Протеста не из-за «чечевицы» – куска хлеба, а протеста социально-духовного – против царивших в обществе атмосферы серости, стяжательства, бескрылости, творческой немоты и оков.

Горящий в груди прометеев огонь не мог смириться с предательством людьми собственной личности, индивидуального и неповторимого Я, которое есть образ и подобие Божие. Отсюда – бесприютность и странничество героя в нашем мире, в котором он «ни черта не понимает». Последнюю фразу даже можно воспринять как игру слов – то ли герой не понимает этот мир, то ли черта (то есть зло) в нём. Как бы то ни было, герой Цоя не может назвать наш мир своим домом, и вся его жизнь – вызов обществу («безделье» и «игра слов»), которое принуждает становиться кем-то другим, убить в себе личность и погрузить свой дух в сон.

Автор: Андрей Орм

Нет меня дома ² целыми днями:

Занят бездельем, играю словами.

Каждое утро снова жизнь свою начинаю

И ни черта ни в чём не понимаю.

...

Все говорят, что надо кем-то мне становиться.

А я хотел бы остаться собой.

(«Бездельник», альбом «45», 1982 ²)

Исполняемая группой «Гарин и гиперболюиды» (первое название группы «Кино») песня «Папа Т.С.» ⁴ рисует образ такого правящим образом Божки в себе, которому безразлично, где и чем заниматься, когда и что есть. Отплываешь вонюг, может возникнуть тяжёлое ощущение, что эти слова справедливы по отношению к большинству в нашем обществе. Убитый социумом уже в двадцать лет, такой человек напоминает зомби или пугальца, находящегося целиком во власти внешних сил. Благих или негативных, злых? Споры последние, если вспомнить, что «чужа чера саго». Страшно, что принуждает человека к самубийству в том числе самые дорогие бы близкие люди – родные, семья. Но можно ли их осуждать за это? Они лишь повторят то, что было прежде сделано с ними, и хотят лишь одного – чтобы молодой человек стал «нормальным», стал как они, как все. Бесконечно повторяющаяся трагедия.

Либо ты, что образ потерянного человека переплетается со снам – бы будто спит, и ему всё равно, просыпаться или нет. Он словно умир.

Мне всё равно, работать где и как.

Мне всё равно, когда и что я съел.

Мне всё равно, прокурю я или нет.

А мне всё только двадцать лет.

Папа, твой сын никак не хочет быть.

Автор: Андрей Орм

(Пела Т.С., 1982)

Лига гимнов вещающему и скорости можно назвать и третью за 1982 год песню на ту же тему — «Битник». Ценнейшей преждо идущий от сердца («чужой дисфрагмы») рок-ролл, как символ свободы и творческого порыва, готовый к самопожертвованию и слышащий чужие души — сегодня он «повзрослел». Стал одним из миллионов ожиданий у телевизора, за газетой, на футболе. В сознании сразу всплывает образ «Матрицы» — братьев Ваиновских. Идеальный мир «ниже мира сего», в котором люди — лишь машины и сомнамбулы. Именно такой человек нужен обществу («старой маме»), только такой его устраивает и допустим. Почему? Может быть, потому, что иной страшился своей необычностью и непохожестью.

Спрятать подальше дешёвое талисман, ладан.

Ты ведь, разве не дал бы за них и ладан.

А когда ты был битником, угу.

Ты готов был отдать душу за рок-ролл.

Идеальный из омика, чужой дисфрагмы.

А теперь — телевизор, газета, футбол.

И довольна тобой такая старая мама.

(«Битник», 1982)

Удивительно, но Цой тут же даёт и образ того, кто ответствен за совершенное в мире зло — того, кто ест (хочется добавить, душит людей), кто приносит боль и смерть («Люди болеют. Люди умирают. Он ест»). Направляется сравнением с тем самым «нижним миром сего» — дьяволом.

Его время — ночь, в сам он — вор, забравшийся в чужие квартиры-меры. Ему не нужно ничего, кроме еды, и ничего другим, кроме бесконечного подаяния, он не занимается. Можно предположить, что он ест не души, а лишь забирает то, что принадлежит ему «по праву» — пищу как символ всего материального, то, что люди вынуждены с некоторой гордостью добывать «в поте лица своего». Как когда то пострадал помещик с урожаем, вырванным на их земле крестьянами. Получается, что все мы — холоты, то отбавляем барщину, то платим оброк своему князю-владельцу. Барщину — когда помогаем ему собирать «урожай зла», творя несправедливость. Оброк — когда платим ему страданиями своей души. Прежде свободным, но оказавшемся в кабале.

Автор: Андрей Орм

Однако уже во второй строфе такая трактовка объекта ослепляет на задний план, уступая место первой и основной – колодильник стоит пустые, но забравшись вор там не менее что-то ест. Он ест, и люди начинают болеть, пока наконец не умирают. Так возможно есть только жизненную силу, душу

Почему того, что правый припадающего служит что-то неведомое, на его полустороннюю природу указывает способность провалить оковы и страхи. Страхи, павший духу. И нет от него никакой защиты – ни запоры, ни оружие не способны его ослабить. Ими люди не так ищут спасения?

Он ночью вылезает из дома.

Забравшись в чужие квартиры.

Ищет, где стоит колодильник.

И ест.

Люди колодятся от страха.

Стоит же колодильник пустые.

Он открывает их колодильник

И ест.

Люди болеют, люди умирают.

Люди болеют, люди умирают.

Он ест. Ест.

Люди крепко запирают квартиры.

Автор: Андрей Орм

Получает пучежи и граниты.

Он приходит и прощад свавь стону.

И ест.

(«Холодильник», 1982)

Вой его сонмабулимиско круговарение сорыл дуа – хилья этого мера – ливано смелья. Напритию его пустых забог помячно стипогварение «Без десетки».

Я должки прийти к девяти

На работу сава.

Но сейчас уже без десетки.

А в только вставо.

(«Без десетки», альбом «86», 1983)

В то же время завь возникает и другой образ – образ вставного и собирающегося в путь героя, получающий дополнительную раскритку в тексте песни «Пара», как и образ нашего мера.

Осень – это только красная клетка.

Но в ней в уже, кажется, был.

И в прожил так свои сорыл дней.

И сейчас уже не мера.

Автор: Андрей Орм

Я услож, оставляя восток

С единственным словом – Пора!

Пора открывать двери,

Пора зажигать свет,

Пора увидеть прочь,

Пора!

(«Пора», альбом «86», 1983)

Герой завершает свой великий пост, прокладывает испытание и готовится покинуть прекрасное жилище – красивую ступень, клетку души, клетку его Я. Сороч дной отбывает слушателя как к сороч дной расставания души с телом в православной традиции, так и к сороч дной испытанию Христа в пустыне, где Он жил вместе со зверями после крещения. Восток словно проходит необходимый иносуд мером, подобным миру зверей, и его телесным стремлением и уже готов начать свой путь, свое проповеда добра, любви и света. Он изменился – он уже не тот, что «вчера».

Иисус, исполненный Духом Святым, возвращается от Иерусалима и поведён был Духом в пустыню. Там сороч дной Он был искушаем от дьявола и ничего не ел в эти дни, и по провасти им написано: атаким. И сказал Ему дьявол: иже Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом. Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим. И возмоща Его на высокую гору, давал приказат Ему все царства вселенной до ижечаше времена, и сказал Ему дьявол: Тебе дам власть над всеми царствами и славою их, ибо она предана мне, и я, кому я хочу, даю ей. Иже Ты поклонись мне, и я дам Тебе всё. Иисус сказал ему в ответ: отойди от Мене, сатана, написано: Господу Богу моему поклонись, и Ему одному служи. И повел Его в Иерусалим, и поставил Его на крыше храма, и сказал Ему: иже Ты Сын Божий, брось себя вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедал о Тебе охранять Тебя, и на руках понести Тебя, да не претрешься о камень ногою Твоим. Иисус сказал ему в ответ: сказано: не искушаи Господа Бога твоего. И окончив все искушение, аваша отойти от Него до времени. И возвратился Иисус в сие место в Галилею, и равность слова о Нём по всей окрестной стране. Он уиш в синагогах их, и от всех был проповедник. (Лк. 4:1-15)

И был Он там в пустыне сороч дной, искушаемый сатаной, и был со зверями, и Ангелы служили Ему. (Мк. 1:13)

В стихотворении «Пора» звучит нарратив проповеди – нарратив, слово («пост») о призыве изменить этот мир. Путь слово продолжает традицию ветхозаветных пророков, Достоевского, Толстого и многих других русских писателей и поэтов. Патристический «Пора!» Виктора призывает открыть двери своей души, распахнуть её Богу, зажить давно потухшей светильной душой и отделиться от законов этого мира, уйти из его мерца, эгоидной и навязчивой – пропустить и вспомнить себя.

Так получает свой завершение бунт против нашего мира, выражая в прошлое его изменить. Но во что? Какой мир видится Цою желанным идеалом? Попробуем ответить на этот вопрос в следующей главе, о чёмых же сторонах мира продолжим наш разговор в четвёртой и последующих главах. Но перед этим обратимся ещё к стихотворению «Дети прошедых дворов».

Прочитай выцвете лишь два цвета – чёрный и белый, как символы двух полюсов – зла и добра, впервые со всей силой противопоставленных друг другу Заратуштрой. Виктор добавляет, что отсюда им кажется больше. По существу, весь наш мир наполнен не этими цветами, а лишь их разоборванным сочетанием, не только не белым и не чёрным. Отсюда вытекает мысль, которой он завершает строфу – мы сами –найдём свой цвет», учителя или не учителя: «Я некогда чего-то не учу. Я иду пожелать только удачу».

Автор: Андрей Орм

Моя ответственность за текст заключается в его достоверности и полноте. Я не несу ответственности за содержание и достоверность сведений, содержащихся в тексте, опубликованных на сайте, если они не являются моими.

Всё, что я пишу, принадлежит мне.

А если кто-то хочет использовать мои тексты, то пусть напишет мне об этом.

На правах автора.

Всё, что я пишу, принадлежит мне.

Моя ответственность за текст заключается в его достоверности и полноте. Я не несу ответственности за содержание и достоверность сведений, содержащихся в тексте, опубликованных на сайте, если они не являются моими.

© Андрей Орм, 2000. Все права защищены. 100%.

Иной, благой мир света

.....

.....
.....
.....
.....
.....

.....
.....
.....
.....
.....

.....
.....
.....
.....
.....

.....

.....
.....
.....

.....
.....
.....
.....

.....
.....
.....
.....

.....
.....
.....
.....

.....
.....
.....
.....

.....
.....
.....
.....

.....
.....
.....
.....

Автор: Андрей Орм

Ты

